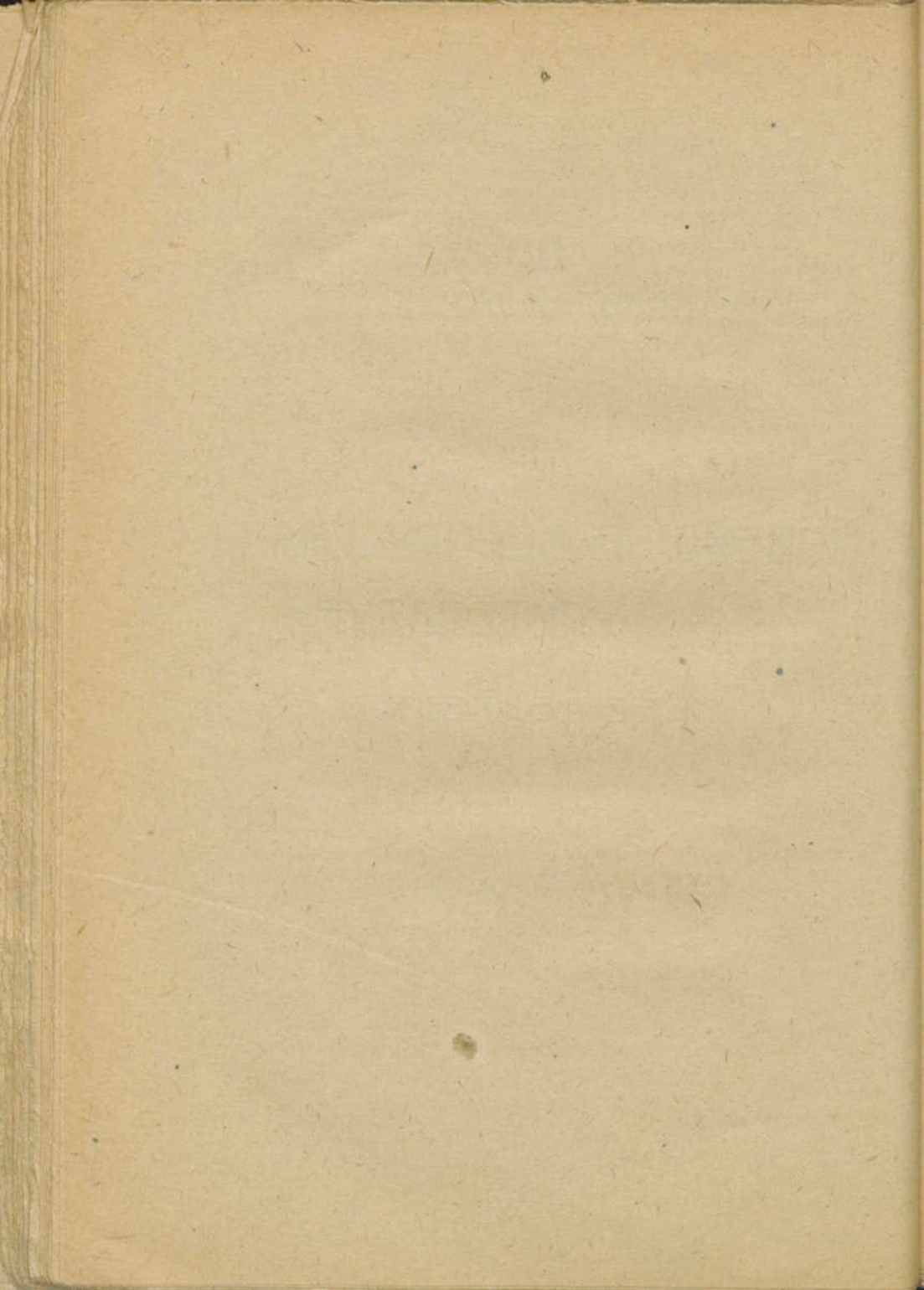

II.
НИКОЛАЙ ЯНЧУК.

НОВЕЙШАЯ БЕЛОРУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
И ЕЕ ДЕЯТЕЛИ.

(Краткий очерк).

НОВЕЙШАЯ БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА и ЕЕ ДЕЯТЕЛИ ¹⁾.

В памятные годы заветных свобод, в эпоху пробуждения народного самосознания, когда вся Россия стала просыпаться от векового насильственного усыпления, не мог не пробудиться и белорусский народ, который давно принято было считать окончательно забытым, загнанным и пропавшим. Вековая тяжкая доля, рабство, нищета и беспросветная темень не убили и в этом народе надежды на лучшее, и эта тлеющая искра надежды стала разгораться при первом притоке свежей струи, с первыми лучами новой зари. Наравне с другими народностями России белоруссы начали заявлять о своем существовании и о своих правах.

Это движение развивалось прежде всего на социально-экономической почве, а равномерно и неразрывно с этим движением начала развиваться и укрепляться национальная белорусская литература, являющаяся выразительницей народного духа, носительницей и истолковательницей лучших идеалов ²⁾. Мы не говорим о литературе партийной, имеющей всегда временный интерес; но и эта литература, вошедшая в обращение с 1905 г., сама по себе является весьма ценным показателем для решения старого спора о том, может ли существовать самостоятельная белорусская литература, и можно ли признавать законное право существования за белорусским языком. Оказалось на практике, что говорить с белорусским народом, чтобы быть понятым, можно только

¹⁾ Настоящая статья, ныне вновь пересмотренная и дополненная, первоначально была напечатана в «Известиях Общества Славянской Культуры в Москве», т. I, 1912 г.

²⁾ Об этом движении см. статьи: «Белоруссы» *Антон Новицки*, в сборнике: «Формы национального движения в современных государствах», Петрогр. 1909. «Беларуссы и их национ. адраженьне» *Д. Дорошэнка* («Наша Ніва» 1909, № 4).

на его природном белорусском языке. Что этот язык обладает достаточным богатством и гибкостью для выражения общечеловеческих чувств и высоких мыслей,—это наглядно доказано и современной белорусской художественной литературой, и белорусской журналистикой, и критикой, и целым рядом практических общедоступных изданий, появившихся за последнее время на белорусском языке.

Впрочем, попытка создания самостоятельной белорусской литературы— явление не новое. Оставляя в стороне стародавние времена, именно ту эпоху, когда таг называемый белорусский книжный язык, представлявший собою смесь церковнославянского и протонародного с польским, был языком официальным в Польско-Литовском государстве XVI—XVII веков, мы должны напомнить весьма ценные труды в этом направлении польско-белорусских писателей начала и середины XIX века. Имена Ровинского (переводчика Энеиды), Дунина-Марцинкевича, Барщевского, Верыги-Даревского и др. должны быть упомянуты здесь на первом месте. ¹⁾ Недавно и наши современники белорусы, хлопоча о своей национальной литературе, чуть ли не с первых же шагов обратившись к этим старым писателям и переиздали некоторые их поэтические произведения, заменив латиницу оригиналов гражданкою, и дав таким образом в руки грамотным белорусам подлинный текст этих популярных произведений вместо искаженных рукописных списков, ходивших повсюду по рукам.

¹⁾ Об них см. в 4-м томе «Истории русск. этнографии», *Пылина*.—Марцинкевичу, по случаю 25-летия его смерти, посвящен № 48 белорусской виленской газеты «Наша Ніва» 1910 г. О Барщевском — там-же № 51—52 за 1911 г. Приложены портреты. О В. П. Ровинском см. Е. О. Карского «Белорусская Энеида назнанку». Харьков. 1908. О Маньковском, ином переводчике «Энеиды», были заметки А. Ельскаго в петроградском Краје, кажется, в конце 80-х гг. См. его-же белорусскую библиографию в газете «*Chwila*» 1886 г. (Перепечатано с добавлениями в польской энциклопедии: *Wielka Encyklopedia Powszechna*, под словом *Białorus*). В недавнее время вопроса о начатках белорусской литературы касался Е. Р. Романов в своем «Белорусском Сборнике», т. I, предисл., а потом Е. О. Карский в своей книге «Белоруссы», Варшава, 1903. Дополнительные указания будут дальше.

Имея в виду посвящать этим писателям специальный очерк, мы не будем здесь на них останавливаться подробно; скажем только, что не смотря на то, что произведения эти старых белорусских поэтов проникнуты романтизмом того времени, тем не менее, напр. стихотворные повести и сатиры Марцинкевича и до сих пор не утратили своего бытового и литературного интереса, и написаны они хорошим народным языком, обнаруживающим в авторе-поляке такое хорошее знакомство с живой народной речью, каким не могут похвастать наши современные русские деятели среди белоруссов. Укажем особенно на следующие книжечки Марцинкевича: „Гавон“ (Агафон) — повесть из крепостного быта, „Щероўскіе дажынкi“, „Вечеринки“ — бытовые картины, „Тарас на Парнасе“ — литературная сатира, „Дудар беларускіі“ и др. произведения, между прочим прекрасный перевод его на белорусский язык двух песен „Пана Тадоуша“ Мицкевича, оставшийся до последнего времени в рукописи и изданный только в 1908 г. петроградским белорусским кружком в серии „Белорусский песьняры“.

Эти опыты были настолько удачны и серьезны, что, казалось, нельзя было сомневаться в том, что ими положено прочное начало новой белорусской литературе, и что она будет развиваться в этом направлении. Но на деле вышло иначе и главным образом из-за политических причин.

Проводя крестьянскую реформу 60-х годов, правительство в то же время с опаскою следило за народным пробуждением, и эти опасения направлены были и против развития областных литератур. Притесненным подверглась малорусская литература, при чем внешним предлогом послужило новое Кулиншевское правописание; в Белоруссии и Литве таким же внешним поводом преследования была латинская или вернее польская азбука; даже католикам-литовцам запрещено было печатание литовских книг, в том числе и молитвенников, польским прифтом; белорусские писатели из поляков лишились возможности печатать свои произведения, написанные польской транскрипцией, а русскую они отчасти плохо владели, отчасти сознательно избегали ее, и многие литературные опыты (напр. Александра Ельскаго и др.) оставались неиз-

данными; природных же белоруссов из народа, способных к литературной деятельности, еще не находилось, да и простая грамотность русская была лишь в зачаточном состоянии в крае. Русские деятели, вызванные туда для проведения идей правительства и занятые прежде всего обрусением края, не только были чужды народной жизни, но и враждебно относились к проявлениям местной национальной самобытности, и не от них, конечно, можно было ожидать содействия, или по крайней мере сочувствия областной литературе.

Таким образом эта живая струя духовной жизни народа была заглушена, и литературные всходы 50-х годов, подававшие большие надежды, были уничтожены и заглохли, не достигнув своего развития. Литературная жизнь Белоруссии была задержана более, чем на столетия.

Наше время является второй эпохой новой белорусской литературы. Если в прежнее время главным литературным центром Белоруссии был Минск, то теперь главная литературная деятельность сосредоточивается в Вильне. Здесь основался кружок интеллигентных белоруссов, поставивший себе задачей содействовать просвещению белорусского народа, а вместе с тем сохранению и развитию его родной речи и выработке литературного белорусского языка на народных началах. Деятельность кружка выражалась в издательстве: им напечатан ряд популярных книжечек на белорусском языке; стали издаваться белорусские буквари, народные календари, имевшие наполовину вид литературных альманахов, но что всего важнее — основана первая белорусская литературно-общественная газета. Сначала, в конце 1906 г., она начала выходить под названием „Наша Доля“, но, вследствие частых конфискаций, издание должно было прекратиться, ограничившись несколькими номерами. На смену ему явилась более умеренная еженедельная газета „Наша Ніва“ (под ред. А. Власова), которая стала главной выразительницей идеи белорусского возрождения и получила для белоруссов такое же значение, какое для малоруссов некогда имел журнал „Киевская Старина“. Тот-же А. Власов издавал литературно-научный ежемесячник „Лучынка“ и сельскохозяйственный „Сахà“. Редакция „Нашей Нівы“ таким обра-

зом служила очагом белорусского просвещения и укрепления народного самосознания.

Основание местного периодического органа является крупнейшим культурным фактом в жизни белорусского народа. Газета дала сильный толчок к пробуждению дремлющих сил народа и между прочим вызвала новых деятелей из народной среды на литературное поприще не только на родине, но и в разных местах России и даже в Америке среди переселенцев. Целый ряд имен, иногда достойных более широкой известности, заявили себя присяжными любителями национальной литературы, в том числе стихотворцами, довольно искусными: их уже переводят на другие языки. В этом отличие нового периода от старого, дореформенного в белорусской литературе: здесь выступают действительно сыны народа, талантливые самоучки из крестьян и ремесленников с образованием не выше народного учителя.

Нам не приходится останавливаться на содержаниях и отдельных статьях периодического издания, скажем только, что оно живо интересуется народной жизнью, освещает ее со всех сторон, поднимает ряд всевозможных насущных вопросов, объясняя их в простой, общедоступной форме, пользуясь, кстати сказать, и несколько упрощенным правописанием (изгнаны: ъ, ь, щ, и). Большое количество корреспонденций из самых глухих мест Белоруссии давало читателям хорошую осведомленность о современном состоянии страны и народном быте. Для большей распространенности издания также среди белоруссов-католиков, издатели пробовали было выпускать газету в двух изданиях: одно русским, другое польским шрифтом, но эта мысль оставлена, так как она не оправдала расходов небогатого кружка. К изданию изредка прилагались иллюстрации, напр., снимки местных достопримечательностей, типы населения, портреты писателей и т. п. Газета издавалась в течение 10 лет вплоть до разгрома края войною.

Уже следя только за ее жизнью, мы воочию видим весь процесс народного пробуждения в Белоруссии и зарождения новой чисто национальной литературы, как прозы популярно-научной и художественной, так в особенности поэзии, имею-

шей лучших представителей в лице весьма недурных лирических поэтов Янка Лучины (псевд. Ивана Неслуховского) и Янка Купалы (Ив. Доминик Луцевича); за ними следуют Якуб Колас (Колос), Максим Богданович (недавно скончавшийся в Ярославле), Альб. Павлович (Минск), А. Гарун (Горюн, в Сибири), Старый Влас, Филлипов, Чернышевич, Цётка, Э. Койстанция Буйдо и мног. др., а из прозаиков: Власт (пишет и стихи), Ядвигин, Овлич, Люцьк Гартный (и поэт), Полуян (рано умерший критик) и мног. др. Характер и значение этой новой поэзии уже отмечены в критической литературе весьма сочувственно¹⁾, хотя не обошлось и без нападок и притом, сверх всякого ожидания, со стороны тех же поляков, которые первые начали культивировать народную белорусскую поэзию²⁾. Мы не говорим уже об охранной русской печати, занимавшейся прямыми доводами на виновников „белорусского сепаратизма“, к которым был причислен и покойный акад. О. Я. Корш, и пишущий эти строки, напр. в статье „Московских Ведомостей“ (1912 г., № 108 под загл.: „Украинофильство в Москве и белорусский сепаратизм“. Эти недружелюбные критики обращаются к молодым белорусским литераторам с злобным восклицанием: „memento mori!“ Будем однако надеяться, что на этот раз уже никакие—ни явные, ни тайные—злые силы не заглушат того, что взлелеяно самим народом и его более сознательными и талантливыми представителями, и что сделалось насущною потребностью его духовного существования. Слишком много всевозможного литературного материала пущено в народный оборот, чтобы можно было уни-

¹⁾ См. в журн. «Українська Хата» статью покойного С. Полуяна: «Білоруська поэзія в її типових представниках», 1910, № 3; статьи в «Нашей Ніве» 1910, №№ 7, 38 и др.

²⁾ Отзыв Zep. Potkiewicz'a в польск. газете «Prawda» 1910 года, № 39. См. ответ ему в «Нашей Ніве», №№ 38, 46. Более объективную статью посвятил белорусской литературе польский «Świat Słowiański» 1912 г. № 4—2.

чтожить белорусскую литературу, не уничтожив самой народности.

Для поддержания этой народности прилагают все усилия виленьские литераторы, ставя белоруссам в пример другие народности, которые, как напр., чехи, может-быт, даже при худших условиях, сумели отстоять свою национальность и заставили себя уважать и считаться с ними. Для ознакомления широких кругов с прошлым Белоруссии „Наша Ніва“ издала краткую историю края (печаталась в газете за 1910 г.); в отдельных статьях и заметках она постоянно напоминает: храните ваш язык, как самое драгоценное достояние, не забывайте ваших родных песен, это — душа народа, (напр., „Н. Н.“ 1910, №№ 27, 32, 34, 49 и пр.); эта идея проводится и не в одном стихотворении Я. Купалы (напр.: „Роднае слово“, „Над сваёй айчынай“) и других поэтов. Из этого однако не следует заключать, что новая белорусская поэзия — партийно-программная, несущая черты временного интереса. Нисколько. В ней царит истинный лиризм, задушевность и неподдельность чувства, напоминающие изредка даже формой выражения то Кольцова, то Шевченка, и отдельные книжечки этих стихотворений, как, напр., „Жалейка“ Янки Купалы, „Вязанка“ Янки Лучины, „Снопок“ Павловича, „Песні жалбы“ Якова Колоса, „Вянок“ Максима Богдановича, стих. Цётки, Бурачка и др. давно стали настольными книжками сознательного и грамотного белоруса. В них он находит живые отклики на всевозможные запросы своей духовной и обыденной будничной жизни.

Остановимся на некоторых мотивах новейшей белорусской поэзии.

Описания природы занимают одно из первых мест: При этом надо отметить одну общую черту новой белорусской музы — это преобладающие в ее песнях грустные мотивы. Белорусс устами одного из своих поэтов (Колоса), в ответ на вопрос: почему он поет так грустно? — говорит откровенно.

Ці ж я сэрцам не балю?

Ці ж мне смутак лёгка даўся?

Я спеваю, як умею,

А пра радасьць пець — ня здаўся...

Преобладающий мотив у современных белорусских поэтов — оплакивание бедной доли народа, бессильные порывы к светлому будущему.

Приведем для примера некоторые отрывки из этих скорбных песен о Белоруссии и белорусском народе. Вот „Палесские абразы“, т. е. Полесские картины природы у Якуба Колоса:

Цёмны бор, кусты, балоты,
Кучы лоз і дубняку,
Рэчкі, куніны, чароты,
Мора траў і хмызняку;
Мосьцік зложены з барвеньнёў,
Брод і грэбля кожны крок,
На дарозі рад варэньнёў,
Крыж нахілены на бок.

А вот и другая подобная картина:

Пералескі, лес, палянка,
Старасьвецкі дуб з жарлом,
Хвоя-веліч на кургане
С чорным буславым¹⁾ гняздом;
Гразь, пяскі, дужок зялены,
Шум крынічкі з-пад варча,
Шэст лісьцеў несканчоны,
Крыж у небе крумкача;²⁾

Вербы, груша-сірапіна,
Нізкарослы, цёмны гай...
Гэта—ты, балот краіна!
Гэта—ты, Палесскі край!

Кто же обитает в этом крае, и как живет этот народ? Тот же Я. Колос дает яркую характеристику белоруссов:

Мы ходзім—спатыкаемся,
Бадземся, як п'яныме,
Мы з голадам зрадніліся,
Худые, абарваные

антомы;—²⁾ журавлі.

Асьмеяны, аблаяны,
Грызёю мы абмазаны;
Багатымі мы скрыўджаны,
Няволею мы звязаны.

Ў балоты мы адціснуты,
Загнаны мы у шыліны;
І вочы нам завязаны,
І вушы нам зачынены.

Адно мы добра ведаем:
Хоць вечна мы блукаемся,
А ўсёж такі, хоць некалі,
А прауды дайшчамся!

Другой талантлівы поэт, безвременно скончаныіся, М.а.к.с.и.м. Б.о.г.д.а.н.о.в.и.ч., так абрашаеця к свасей жалкой, но горячо любимой родине:

Край ты мой родны! Як выкляты Богам,
Столькі ты зносіш нядолі!
Хмары, балоты... Над збожжэм убогім
Вецер гуляе на волі.

Поруч раскідалісь родныя вёскі...
Жалем спіскаюцца грудзі!
Бедныя хаты, таполі, бязрозкі,
Усюды панурые людзі...

Кінь толькі вокам да гэтага люда—
Сціснецца сэрцэ ад болю!
Столькі пабачыш ты гора усюды,
Столькі нуды без патолі...

Сціснуло горэ дыханьне ў народзе,
Горэ усюды пануе,

Хваляй шырокай разлілось, як мора,
Родны наш край затапіло.

Врацця! ці зможэм грамадзкае горэ?
Врацця! ці хване нам сілы? ¹⁾

* 1) См. „Беларускі календар“ на 1912 г., стр. 85, п. „Вянок“ М. Богдановіча (Вільня 1913), стр. 62.

На этот тяжелый вопрос, граничащий с отчаянием, отвечает другой поэт—Гальяш (Илья) Левчик, вспоминая древнюю притчу о связке прутьев, которые поодиночке легко переломать, а в связке—не только трудно, но бывает и невозможно. ¹⁾

Так і мы, палі ў грамадзі
Разам станем, як сцяною,
Дружна будзем жыць і радзіць,—
Не настрашаць нас бядою!

Дружна, брацця, будзьма ў згодзі,
Ці ў нядолі, ці ў прыгодзі,
Ізлучэмся ў шнур, як русі,
На дабро ўсей Беларусі!

Единственно светлым мотивом является вера в силы народа, на которые он сам должен рассчитывать, не надеясь на помощь извне.

Янко Купала так обнадеживает своих земляков, белорусский народ:

Пры ласце Божай
Усё мы зможэм,
Горэ затопчэм сильнай нагой,

Звальчым нядолю,
Звальчым няволю,
Светац запалім шчасьця свайго!

Зяснеюць ночы,
Высахнуць вочы,
Злітыя горкай бядноты слязьмі;

Голад загіне,
Бяда павіне,—
Долю мець будзем, эй! будзем людзьмі!

Не надо только падать духом и надо идти дружной рукой об руку и работать неустанно для собственного и общественного блага, не давая преодолеть себя горю и отчаянию.

¹⁾ Белар. Календар на 1912 г., стр. 91—2.

Годзі плаваць—слёз не стане!
Будзем весяліцца!
Знікне ночка, як дзень гліне —
Усё заворушыцца...
Годзі плаваць! Што паможэ
Плач у нашым горы?
Трэ' за працу ўзяцца гожа,
Каб беды збыць скора.
Годзі плаваць—больш адвагі!
Болей гарту, сілы!
Каб да лепшай долі, шчасьця
Весці край наш мілі¹⁾.

Так энергічна зывае к сваім землякам А. Петрашкевич из захолустного Крайска, полный веры в лучшее будущее. А рядом с ним Ал. Жыгалька уже видит близкое исполнение этой надежды с достойной наградой за труд:

Вось... бачу ўжо іскру надзеі свабоднай
І шчасьця далёкага бачу гдзесь цень.
Браток мой, ня кідай ты працы мазольнай,
Бо скора настане шчаслівым твой дзень.
Там толькі праца твая залатая,
Як сонца над сьветам, лна заблішчыць,
І будзя мазоль, што руку пакрывае,
І твар, і цябе, дарагі, залаціць.²⁾

Народный юмор, несомненно, в высокой степени свойственный белоруссу, мало пока находит проявления в современной поэзии, исключая разве Альберта Павловича и еще кой-кого. Переведены, между прочим, некоторые басни Крылова; есть опыты и оригинальных басен и сатиры на явления окружающей жизни.

Что касается внешней формы, то в этом отношении некоторые из белорусских поэтов достигают значительного искусства. Вот, например, начало одного стихотворения Я. Купалы:

1) Ежемесячник „Лучинка“, изд. А. Власова, кн. 2-я, стр. 11.

2) Там-же, стр. 20.

Ноч за ночкой ідзе, сцішна, тайна брыдзе,
Разсвіе трывогу—знямогу;
Цені густа кладзе на пяску, на вадзе,
Ацемрае гасцінец-дарогу...

Или у Якуба Коласа:

Сонцэ заходзіць. Сумныя цёні
Ціха злетаюць з гары;
Хмаркі наволі йдуць ў аддаленыя,
Злітыя блёскам зары.

Попадаются изредка более редкие стихотворные размеры; напр. у Богдановича удачный образец гекзаметра:
У небі, лі хмары грывётнай, празрыстая, лёгкая хмара
Шларка плыла, і абедзве чагось чырванлі ад жару.
Транілось зліцца-б ім тут, дык зрабіліся-б хмарай магутнай,
Але далёка іх вецер разнес, наляцёўшы нячутна.
Дробным дажджом над зямлёй, як сьлёзамі, адна пралілася;
Гулкім раскатам грывотаў другая у атэаз азвалася.
І на асобку загінулі хмары блздольныя тые,
Чуючы ў небі, як вецер над сьмерцю іх вые ¹⁾.

У того же поэта, встать сказать, пожалуй, наиболее образцованного из новейших белорусских стихотворцев, встречаем стихи в форме сонета, октавы, рондо, терцины, триолета. Поэт любит обращаться, не в пример другим, к „старой спадчыне“, а вместе с нею воскрешать и старинные формы стиха, как сам об этом заявляет:

Ёсьць чары ў забытым, стародауным;
Прлемна нам стацецьцаў пыл страхнуць,
Пажыць мінулым— гэтым мудрым, слаўным.

Быццё дзядоў у смутву ўспамянуць.
Мы свавпа цыгнемся к старым паэтам,
Каб хоць душой у прошлым патануць.

¹⁾ Сборник его стих.: «Вянок» (1913), стр. 15.

І вась звярнуся я в рондо, сонетам, —
І бліснуў ярка верш пануры мой:
Як месяц зіхаціць адбітым сьветам,
Так вершы з'яюць даўніх форм красой ¹⁾.

Его вдохновляют древние предания Овидия; он находит прелесть в старинной Волковысской псалтыри, писанной „у рок сем тысяч сто васьмы с пачатку дзён“ (т. с. 1600 г); его пленяет образ древнего летописца, который беспристрастно „і добрыя і кепскія дзела апаведае: так рупная (трудолюбивая) пчела умее ў соты мед сабраць і з горкіх кветак“ ²⁾.

Правда и автору эта старина нередко приводит на память невеселые картины. Старинный полк знаменитого Слуцкого изделия времен Радивилов рисует его воображению образ крепостных ткачих, изнемогавших над этой работой:

А родных ніў, а роднай хаты
У панскі двор дзеля красы
Яны, бяздольныя, узяты
Ткаць залатыя паясы.
І цагом доўгіе часіны,
Дзявочыя забыўшы сны,
Свае шырокіе тканіны
На лад персідзкі ткаць яны.

А за сьцягоў сьмяецца поле,
Зіле небо з-за вагна,
І думкі мьнуцца мімоволі
Туды, дзе расцьвіла ясна,
Дзе блішча збожжэ ў яснай далі,
Сінеюць міла васількі,
Халодным срэбрам з'яюць хвалі
Між гор ліўчэйся рэкі,
Цямнее край зубчаты бора.

І тчэ, забыўшыся, рука
Заміж персідзкага узора —
Цьвяток радаімы васілька ³⁾.

Там-же, стр. 98: «Тэрцінь».

²⁾ Там-же, стр. 41: „Летапісец“.

Там-же, 45: „Слуцкія ткачы“.

Мы не имели в виду перебирать всё внутренние мотивы творчества белорусских поэтов. Они многообразны и непосредственны, конечно, не без влияния русских и польских поэтов.

Польский склад однако редко отражается на белорусском стихотворстве. Вот, напр., стихотворение Ф. Шантыра в духе польских краковяков:

Думкі мае, думкі,
Хмары майго жыцця!
Калі час той прыйдзе
Поўнаго забыцця?..

Достоинно замечания, между прочим, то обстоятельство, что среди произведений новых белорусских поэтов переводы встречаются только как редкие исключения (с польского, малорусского, великорусского). Почти все — оригинальное, следовательно, свое родное, непосредственное. Объясняется это, может быть, отчасти и малым знакомством поэтов с чужими литературами. Но, с другой стороны, ясных отражений простонародной песни у них также мало. Почти единственный знакомый нам пример — „Песня“ М. Орла, переложение известной малорусской и белорусской песни ¹⁾.

Сядзіць голуб на бірузі,
Галубка на вішні.
— „Сважы, скажы, маё сэрца,
„Што маеш на думцы?
„Як ня хочэш, маё сэрца,
„Дружынаю быці,
„То дай жэ мне таго зельля,
„Каб цябе забыці“ —
— „Расце ў мяне тое зельля
„Блізка пералязу:
„Як дам табе напіцца —
„Забудзеш адрэзу“ —

¹⁾ «Беларускі Календар» на 1912, стр. 92.

„Ой ліць буду, хоць праз сілу,
І дзянькі і ночы,
Толькі ж цябе я забуду,
Ік загаснуць вочы“.

Многие и оригинальные лирические стихотворения И. Буналы и других поэтов часто настолько удачны и легки в смысле музыкальности, что они несомненно скоро сделаются достоянием деревни, а некоторые, кажется, уже и перешли в народ. В последнее время белорусские стихотворения, благодаря их музыкальности, стали перелagаться и на музыку композиторами, при том такими известными, как А. Т. Гречанинов и рано скончавшийся автор многих прекрасных романсов и музыкант-этнограф Б. В. Подгорецкий и др.

Довольно редки у белорусских поэтов мотивы эпические, частью из народных преданий, частью из современной жизни. Ничего выдающегося в этом роде поэзии до последнего времени не было создано.

С особенным удовольствием можно отметить отсутствие в новой белорусской поэзии того ненормального, болезненного явления, которое называют декадентством, модернизмом. Очевидно, ему нет места в здоровой народной среде.

Беднее всего пока драматическая литература белоруссов. Правда, еще Марцинкевич дал опыт в этом роде в своей „Селянке“, но дальнейшее развитие белорусской драмы идет туго, да и потребности в ней не было, так как не было ни своего театра, ни артистов. Только с 1909—1910 гг. стали организоваться в Вильно, Витебске, Полоцке, а потом и в меньших городах, белорусские вечеринки, наполнявшиеся для начала пением народных песен¹⁾ и положенных на ноты популярных стихотворений, с исполнением народных танцев.

¹⁾ Между прочим из вновь собранных кружком песен составлен Роговским «Белор. песенник для школы и народн. хоров». Он же выпустил «Белорусскую сюиту». А. А. Грыневичем изданы два сборничка песен с напевами. В Москве издается составленный мною «Белорусский сборник для школ» в хоровой раскладке.

дебламанцей. Потом, отчасти по образцу малорусских артистических товариществ, стали организоваться кружки в Вильне и других городах для драматических представлений на белорусском языке. За неимением белорусских пьес, обратились к украинскому репертуару и охотно играли, например из волостного быта Кропивницкого — „По ревизии“, хотя следует заметить, что как раз в этом же роде существуют в печати на белорусском языке драматические сцены А. Р. Пшелко, описанные с действительности¹⁾. Потом начали составляться применительно в местным артистическим сядам пьесы, главным образом комедии, напр., „Модны шляхцюк“, ком. К. Каганца и др. В последнее время популярный писатель Я. Купала, обратился к драме и уже сделал два-три удачных опыта: „Паулінка“, „Раскіданае гняздо“ и друг. Можно надеяться, что и в этом отделе литературы найдутся даровитые работники, а вместе с развитием драматургии будет крепнуть и развиваться белорусский театр. Кое-что из новейших драматических вещей будет отмечено ниже.

На ряду с виленским кружком в Петербурге дружно работала в том же направлении „белорусская суполка“, т.-е. товарищество, под девизом: „Загляне сонцэ і ў нашае ваконца“. Оно издало целый ряд дешевых белорусских книжек, напр.: буквари, беседы о земле и небе, произведения прежних стихотворцев (Марцинкевича, в том числе его перевод „Пана Тадэуша“ Мянцкевича), и новых: Богусевича, Бурачка и др., как отдельно, так и серий, под общим заголовком: „Беларусские песняры“, т. I и II (1906). Это товарищество начало издавать серию сборников под общим названием „Маладая Беларусь“, посвящая их общественным вопросам науке, литературе и искусству. Суполка много содействовала укреплению национальной идеи среди белорусского народа и молодой интеллигенции. В ней работала преимущественно молодежь, охваченная сильным желанием внести искру света в потемки своей родины.

Дополним наш краткий очерк некоторыми фактами новейшей литературы самых последних лет.

¹⁾ Напр.: „Янкина жалоба. Драматическ. этюд из жизни Пельских крестьян“. Витебск 1900, 2-е изд. дополн. 1902.

Войной край разорен. Кружки прежних идейных литературных работников рассеяны. Идеалы спутались. Внесены новые идеи, в которых народ еще с трудом разбирается. Место идей равенства, братства и свободы заняла узкая партийность с провозглашением классовой борьбы. При таких условиях и характер литературы должен был измениться. Но художественная белорусская литература пока не потеряла облика художественности, хотя более или менее платит дань современности.

Как бы на смену „Нашей Нивы“ с 1917 г. стала выходить в Мянске „Вольная Беларусь“, издаваемая „Товариществом Белорусской культуры“. Здесь выступают те же представители новейшей поэзии: Купала, Колос, Гартный, Павлович, Влас и др., с присоединением двух-трех новых имен. Перепечатываются по-прежнему старые польско-белорусские поэты, переводятся некоторые вещи с польского. Так, здесь напечатаны в 1918 году драматические произведения Дунина-Марцинкевича (пользовавшегося также псевдонимом Наума Прыговорки): „Залёты“ (сватанье) — ком. в 3 действ. (№№ 10—12), „Пінская шляхта“ — ком. в 1 д. (№№ 30—31); переведен из Сырокомли Павловичем „Чысты Чацьвер“.

Появилось там в течение того-же 1917 года и несколько опытов оригинальной драмы; напр.: К. Весёлого: „Ні розумам сыцяміў, а сэрцам“, — драма в 4 д. из деревенской жизни (№№ 1—4); М. Грамыки: „Зьмітрок з Высокай Буды“ — др. в 4 д. (№ 33 и далее); Францышка Алехновича: „Чорт і Баба“, — одноактная комедия по народной сказке (№№ 32—33). Перепечатан образчик стихотворства польского собирателя белорусских песен Яна Чечота на белорусском языке (Ах, што ж мы ваішці скажам?²⁴ и пр. № 31), с заметкою об авторе.

Помимо целого ряда лирических стихотворений, которых мы не перечисляем, появились здесь также опыты эпического стихотворства, несколько восполняющие отмеченный выше пробел в этом отделе поэзии белоруссов. Особенно заслуживает внимания поэма Якова Колоса: „Сымон Музыка“ в нескольких частях, печатавшаяся во многих номерах газеты, в 1917 и 1918 г.; далее, того-же автора: „Як дзядзька

ездзіў ў Вільню, і што ўн там бачыў“ (1918 г., № 14—15); Ф. Чарнышевича: „Нявольнік“ (№№ 18—20) и др. В одном из майских номеров 1917 г. отмечена тяжелая утрата белорусской литературы с кончиною поэта Максима Богдановича (12 мая), памяти которого посвящено ряд стихотворений и воспоминаний также в годовщину его смерти в 1918 г. Редакцией издаются также отдельные литературные сборники.

С половины 1919 г. начала было выходить в Петрограде газета-журнал „Чырвоны Шлях“ (Красный Путь). Вышло до конца года 10 номеров в 5-ти тетрадах. Издание партийное, направление которого достаточно определяется самим названием. Посвящено политической, общественной и литературной жизни белоруссов. Преобладают статьи на русском языке, лишь небольшая часть второстепенных сообщений стихов и заметок — по-белорусски. Задача издания — политическая пропаганда с признанием автономии Белоруссии и с выставлением в то же время лозунга: „в России и в России... Газета старается будить национальное чувство и освещать с разных сторон современное положение края, не оставляя без внимания и его прошлое. Литературе в тесном смысле здесь уделено немного места, но кое-что заслуживает внимания. Помещено несколько стихотворений на белорусском языке, в том числе Янки Купалы („Забраны Край“), Цётки (псевдоним покойной Пашкевич) и др., несколько бытовых очерков в форме путевых впечатлений, картинное, иногда юмористического характера, небольших рассказов частью по-великорусски, частью по-белорусски; есть переводы из Шевченка. Более солидные литературно-исторические статьи принадлежат проф. Е. О. Карскому („Доктор Франциск Скорина. По поводу 40-летия его печатных изданий. 1517—1917“, с картинкой-портретом Скорины), Д. Соболевскому („Белоруссия и Белоруссы“), Евс. Канчеру („Территория и население Белоруссии“), Пав. Любецкому („О белорусском литературном языке“), указывающему, между прочим, на тот факт, что „в созидании белорусского литературного языка участвует только западная Белоруссия“, восточные же белоруссы „саботируют дело возсоздания белорусского литературного языка: они мыслят и говорят, пи-

нут и читают только по-русски (т. е. по-великорусски); белорусского языка они не знают и не хотят знать". В критико-библиографическом отделе отмечены некоторые издания, заслуживающие внимания („Матчы дар Думы і песні, Алеся Гаруна. 1907—1914“, Мінск, 1981 г.—„Руска-Беларускі слоўнік“, изд. братьями М. и А. Го(а)рецькими. Смоленск. 1918 г.—Хрест на свабоду“—книжечка революционных стихов, написанных „Гаўрылою с Полацку“, т. е. Цёткою—Пашкевич, изданная в Галиции белорусской социалистической громадой, основателем которой считается Цётка. Приложены портреты писателей: Дуніна-Марцинкевича, Варшавскаго, Богусевича, Неслуховскаго (Янко Лучина), Лудевича, (Янко Купала), Гартного, Чернышевича, Видули, Левчика, Констанци Вуйло, М. Го(а)рецькаго, Гмырка и проф. Карского. Из библиографических сообщений мы узнаем о целом ряде белорусских изданий, вышедших печатанных или готовящихся к печати в Петрограде и в провинции, которых нам, к сожалению, не пришлось иметь в руках, среди них есть и периодические издания. Таковы: журнал „Белоруссия“ 1919 г. (Петроград), „Гоман“—два раза в неделю русской и польской транскрипцией (Вильна), „Беларускі Шлях“—ежедн. газета (Минск), „Белор. Крыніца“—двухнед. журн. польским шрифтом (Минск), ежемес. „Варта“ (Минск), „Белорусское Эхо“—по-рус. и по-белор. еженед. (Киев). Остановимся еще на еженед. журнале „Крынічанин“, один номер которого нам случайно попал в руки (№ 1, 1918 г., 1-й год). Это—виленское издание, под ред. В. Ластовского, начавшее выходить в польской транскрипции, но только по-белорусски. Было ли продолжение—не знаем. Преобладающее содержание выпуска—чисто литературное, частью историко-статистическое (напр. подсчет белоруссов по губерниям и уездам по статистич. данным 1914 г., очерк Виленины с этногр.-статистической точки зрения, исторический очерк Туровского княжества по статье К. Спизаго (в Виленском календаре 1891 г.). Из чисто-литературных произведений отметим бытовую очерк-фантазию Дм. Видули: „Русалки“ и перепечатки старого: „Проповесьць аб старым мужу і гожай дэве“, начало белорусской „Эпеды“

по оттиску Е. О. Карского из XVIII т. „Сборника Харьковского Ист.-филологич. Общества“ (Харьков, 1908 г.), но с поправками по имеющимся в распоряжении редакции спискам из Днесьенского и Вилижского у.у. Мавс. Богданович перевел асклепиадовским стихом известную оду Горация к музе (Памятник), неоднократно переведенную и переделанную русскими поэтами (Домоносовым, Державиным, Пушкиным) и иностранцами; ему же принадлежит статья по теории поэзии о сонете. Не останавливаемся на прочих литературных мелочах издания. В политическом отношении редакция стоит на почве „недавнешнего державного бытования“ Белоруссии, для чего, по мнению редакции, имеются у нея все шансы, как исторические, так и экономические. На свете, — говорит редактор В. Ластовский в статье о национальном вопросе, — нет наций лучших и худших, и каждая имеет право на культурное развитие; но для правильного и здорового развития нации, ей необходима политическая независимость.

Еще с 1913 г. издавался польским шрифтом в Вильне „Белорус“, еженедельная католическая газета продолжавшаяся в 1914 и 1915 г.г. Здесь также в каждом номере (в размере 8-ми страничек) есть кое-что из литературы на белорусском языке: стихи, рассказы, сцены и разные литературные молочки; между прочим — белорусская „Бетлейка“ (т. е. рождественское народное представление на подобие украинского „Вертепа“ и польских „Яслей“) со вставленными в нее колядками, перелицованными по-белорусски из польских „кантычек“. Из поэтов здесь выступали: Альб. Павлович, Ф. Чернышевич, Бядуля, Влас, Муха, Анна, Ужевич, Петр Простый, Зязюля, Калинка, Грымот, Красовский, Сумный, Концевый и другие, подписанные частью псевдонимами, частью инициалами. Используются ими некоторые народные темы — легенды, предания, сказки, верования, но больше — лирика, описание природы, народного горя, изредка невинный юмор. Есть мотивы современной войны, духовные песни, встречаются и знакомые призывы к бодрости, труду и единению и общей работе на пользу национального возрождения.

Ця найдзе хвіліна трываі сэрдачкай,

Чи смутак ў душѣ заградзецца тваю,—
Будзь верны радзімай старонцы ты вечна,
Аддай ёй і сілу і веру сваю!

Агонь распалай над яе цемнотою,
Як матку сын родны душою любі,
Братайся з навукі прасветаі зарею
І слонца агністае праўды заві!

Тады пераможэш няўзгоды цяжкія,
Адгоніш пагарду і ворагаў здзек,
І скажэш з надзеяю словы сьвятыя:
„І я прабудзіўся, і я чалавек!“

(1913 г., № 26. *Тодар*: „Вяздольнаму“).

И сам поэт готов отдать себя целиком родине и полон веры в ея лучшее будущее: тогда и его лира запоет еще звонче:

Струну з маеі разбітай леры
Тужэй і дэпей нацягну,
І зычна песьню шырай веры
Ў дабро і волю зацягну.

(Его же: „Краю“, там-же, № 24).

В унисом с ним поет другой певец, задевая слегка и другие мотивы:

Разам, разам да работы,
Ня с прымусу, а захваты
Выхадзіце, брацьця!

Дружна ўсьцішым тую зграю,
Што разносіць на ўсім краю
Енкі, плач, правляцця...

Посьля ў сэрцы вальём веру,
Што і гора мае меру,
Што й яно ўжо гіне.

Толькі трэ' жыць ў роднай хаце,
Звычай, мову шанавалі
І сваей краіне

Алдаць душу, сэрца, сілы,
За яе леч у магілу,
Верным сынам быці.

Вось тады то паўна скоро
Блісьне доля, згасне гора—
І лепш стане жыці.

(1913 г. № 29. *АльфONS П(етра)шкевич*).

Уважение и любовь к родному языку является одним из лозунгов газеты, снимающей с себя этим подозрение в стремлении к полонизации белорусов. Доказательство на лицо:

Адвечная мова
Прастога народу,
Ты с хаты вясковай
Выходзь на свабоду!

І стань прад людзьмі.
Мая дарагая,
Стань смелы, ідзі,
Бо ты—ты жывая!

(Там-же, № 9—10. *Антони Б.*)

Срв. на эту тему „Гимн родной воле“, А. Сумнаго (1914, № 52) и ряд отдельных статей.

Не лишен литературного интереса опыт перевода (вольного) 1-го псалма „Блажен муж“ на белорусский современный язык стихами. Он принадлежит Андрею Зязюле, поместившему в этом издании целый ряд своих весьма недурных стихотворений. Его стоит привести целиком:

Шчаслівы, хто ў раду благіх ня ўступае,
Хто выбраў вускую дарогу,
Да неба ідзе ёю, гасьцінцы мінае,
Што цягнуць да пекла парогу.

Шчаслівы, хто Богу на службу аддаўся,
Каб шыра адрасць яго ніву,
Шчаслівы, хто верным ва ўсім Яму стаўся,
Здалеўшы натуру ляніву.

Щаслівы, хто, ўчуўшы гаротных стагнаньне,
Па вускай, цярпітай дарозе
Пашоў з добрай волі сваёй на спатбаньне
Ім бедным — і стаўся ў спамозе.

Хто зважыў марноту дачаснасці гэтай,
Па сьцёжцы цясноты йдзе смела,
Ды злучаны верай са светлаю мэтай
Душу сваю любіць — ня цела.

Хто йшоў па асколках прыкладам Хрыстовым,
Пьочы горкі келіх царнення,
І кашную хвілю пайсці быў гатовы
За праўду на здзек засьлянення.

Хто выпайніў шыра прыказ мілавання,
Як сам сябе, бліжняга свого,
Дзяліўся з убогім вусочкам надання,
Успамогшы ў патрэбе чым змога.

Хто верны быў Богу ў прызваньні заусёды,
С пачатку да самай канчыны, —
Вось той толькі вечнае варты нагоды —
Быць сынам нябеснай айчыны.

(1913 г. № 4. „З псалму“).

Рядом с' гэтым отметім, павідому, народное или семи-
нарское переложение стихами 10-ти заповедей, записанное
Бр. Эпимах-Шипилом со слов ксеицза Андрея Буевича,
бывш. настоятеля петроградского собора Св. Екатерины,
слышавшего этот духовный стих у подкостельных старцев-
нищих, певших эту псалму на мотив известной духовной
песни: „Ах, мой Боже, веру Табе“. Вот начало псалмы:

Гэй, вы, людзі — хрысьціяне!
Зберагайце прыказаньня,
Што Бог кажэць, прыказуець,
Што нявольна — заказуець.

Першае знайменьне, Бога
Ты ня мей сабе другога,

Ня вер в гуслы, ў пішты, ў чары,
А йдзі да Божай ахвяры.

А другая—не бажыся
І душою не клянися:
Гэты грэх Богу ня любы,
Прыводзе душу да згубы... и т. д.

Изложение заповедей—католическое. (1913 г., № 21).

Для полноты назовем, наконец, издававшуюся в Москве при Белорусском комиссариате еженед. газету „Дзінніца“. Она мало давала литературного материала и, занятая главным образом партийными и политическими вопросами, не имела большого распространения, да и выходила очень неаккуратно за отсутствием материала.

Таким образом, несмотря на необыкновенно тяжелые условия переживаемого времени, возрожденная белорусская литература не заглохла, а продолжала по мере сил развивать свою деятельность и выводить новых деятелей. Причем следует отметить, что продолжает поддерживаться связь с прежними достойными представителями, и сохраняется таким образом литературная традиция, что весьма важно для будущего.

Рядом с периодическими изданиями стали появляться также литературные сборники, посвященные беллетристике. Укажу два известные мне сборника двух последних лет, как имеющие литературный интерес и значение и указывающие притом на зарождение белорусских кружков, помимо столиц, также в других центрах, напр. в Киеве, куда, после разгрома Белоруссии, отошло много интеллигентных белорусских сил. Здесь организовалось „Беларусское издавецтво“ (издательство) под фирмой „Зорка“, которое в 1919 г. приступило к изданию литературных сборников под общим наименованием: „Дыяменты Беларускаго прыгожаго пісьменства“ (т. е. Алмазы Б-ской изящной литературы). Судя по 1-му небольшому выпуску (84 стр.), с которым мне удалось познакомиться за короткий период начавшихся было сношений с Киевом, это издание имеет как бы характер историко-литературной хрестоматии. В нем при кратких

биографических очерках даны образцы лучших произведений новых белорусских поэтов. Начиная с Дунина-Марцинкевича здесь представлены пока 11-ть писателей: Марцинкевич, Мацей Бурачок, Ядвигин Ш. Ягуб Колас, Янка Купала, Сергей Полуян, Максим Богданович, Зьмитрок (Дмитрий) Вядуля и Алесь Гарун. Больше всего, как и следовало ожидать, приведено стихотворений лучших поэтов: Богдановича, Колоса и Купалы. Сборнику предшествует предисловие Лявона Леуша и им-же написанная краткая „История Беларускага пісьменства“, открывающаяся стереотипным сетованием на то, что борьба с поляками привела к уничтожению самобытной белорусской культуры и литературной речи, вопреки тому однако, что сам-же, повидимому редактор, Л. Леуш открывает серию своих очерков произведениями поляка Марцинкевича, культивировавшего белорусскую речь и начинавшего собою новую белорусскую литературу, когда „самобытные“ белорусы еще спали мертвым сном.

Другой сборник появился в 1918 году в Москве и имеет, повидимому, партийные цели—пропагандировать литературных работников, вышедших исключительно из рабочего пролетариата, минуя „интеллигентов“. Именуется сборник: „Зажынкi. Першы збор твораў беларускіх песьняроў і пісьменнікаў, вышаўшых з сям'і працоўнага народу“. Издан на средства Белорусского Национального Комиссариата. Этот сборник больше по объему (146 стр.), но не видно, чтобы он имел намерение продолжаться в дальнейших выпусках; нет никакого вступительного слова от редакции. Помимо стихотворений—здесь и проза, что соответствует указанному в заглавии разделению писателей на „песьняроў“ (т. е. поэтов-стихотворцев) и „пісьменнікаў“, т. е. литераторов вообще, включая и авторов научных и публицистических статей, каковых видим и на страницах этого сборника. Здесь напечатана лекция Дмитрия Жилуновича о белорусской литературе, читанная в Белорусском Народном университете в Москве при Комиссариате Нар. Просв.; тут же трактуется о национальных и культурно-просветительных задачах Белоруссии в статьях Я. Петровича и Немайского; наконец, в переводе последнего напечатана статья Е. Качера о нуж-

дах Белоруссии, главным образом в сельско-хозяйственном отношении. По вопросу политического положения край авторы-публицисты одушевленно объявлением декрета об учреждении Белорусской советской республики, мыслили себе ее, как автономную, но „радную“, т. е. советскую. Но мы оставим в стороне вопросы политики, так как нас интересует главным образом чисто литературная часть сборника, и в этом отношении ясно одно, что все участники издания проникнуты горячею любовью к родине и все обьяты одним желанием служить ей всеми своими физическими и духовными силами. Все они могут связать вместе с своим соратником Цинкой (Тихоном) Гартным:

„Я вагнём палаю
На ахвяру дацца,
Смерці ня зьякацца,
Абы ведаць той,
Што жыццё сьвятое
Я людзям намечу
Сваіх твораў рэччу..
Рвуся я да Бога,
Што дабром завецца
Што за яго б'етца
Многа людзей, многа!
Той жыве, хто твора
Сілай маладою,
Клонатам ня будным,
А сваёй душою,
Сваім зовам цудным
Да жыцця другога,
Шчаснага, сьвятога“¹⁾

Таким искренним чувством проникнуты все поэтические произведения в этого сборника, несмотря на его официально-програмный характер. Есть в нем и образец новой белорусской народной драмы из времен революции 1905 г. „Хвалі жыцця“ (Водны жыцця) в 3 д., того-же автора Цинки Гарт-

¹⁾ Сб. «Зажыткі»—драматич. поэма: «Паэта і маці», стр. 62.

ного (написана не стихами). Неприятным диссонансом отдает в этом сборнике безымянное стихотворение: „Беларуская марсельеза“, напрасно выдаваемая за „народный твор“. Предоставляем самим читателям, сколько-нибудь знакомым с настоящим народным творчеством, судить о народности этой „марсельезы“:

Ад веку мы спялі, і нас разбудзілі,
Мы зналі, што трэба рабіць;
Што трэба свабоды, зямлі чалавеку,
Што трэба зладзеў пабіць.
Што гэта за марная доля нямчаков,
Без хлеба, без грошай працуй.
Усюды ганяюць, усюды сьмяюцца,
Ну проста хопь крыкні: „ратуй!“
Сьмяюцца над намі богатыя людзі,
Здаецца панамі іх зваць.
Мы доўга царнеці, царнець больш ня можам,
Пойдзям мы долі шукаць.
Мы дружна устанам с касамі, с сярпамі,
Прагонім зямлі палачоў,
Няхай нас сустрэнуць палямі, лясамі
Грамады працоўных людзей.

К числу отдельных изданий надо отнести также сборник белорусских пьес, изданный в 1918 г. дирекцией Белорусского национального театра в Минске: „Зборник спэнічных твораў“, т. I. В 1-м выд помещены: „Паудінка“—Купалы, „Манька“—Алехновича, „Залеты“—Маршакевича и „Пашыліся ў дурні“—Кропивницкого.

Необходимо, наконец, отметить деятельности московской группы белоруссов, объединившихся частью около белорусского отдела отдела просвещения национальных меньшинств Н. К. П. с О. О. Гуруком во главе, частью же работающих самостоятельно в организовавшемся здесь „Белорусском Научно-культурном Обществе“. Старанием этого кружка были устроены курсы по белоруссоведению, имевшие характер народного Белорусского университета, где выступили с чтениями специалисты по разным вопросам, касающимся истории края.

природы страны, быта населения, его физической и культурной характеристики, экономического положения и т. д. Все эти лекции изданы в особом сборнике: „Курс белоруссоведения“. Здесь же, в Москве, выработан план и устав будущего белорусского государственного университета в Минске, который ждет своего открытия с превращением военных действий в крае.

В Петрограде в конце 1918 г. открылось „Белорусское Вольно-Экономическое Общество“, включившие в программу своей деятельности и вопросы народного образования в связи с работами о поднятии обще-культурного уровня края. (См. „Чырвоны Шлях“ 1918 г. № 5—8). В Минске организовалось „Белорусское Общество ревнителей литературы и истории“ с широкими задачами, но с занятием Минска сведений о его деятельности к нам не поступало.

Подводя итог деятельности молодой Белоруссии, мы должны признать, что самоотверженные труды энтузиастов идеи просвещения своего народа не только не пропали даром, но, наоборот, дали осязательные, крупные результаты, составляющие эпоху в истории культурного развития Белоруссии.

В свое время, в 80-х годах, когда запрещено было печатать белорусские книжки, исключая ученых материалов, известный историк и археолог Белоруссии Адам Киркор безнадежно предсказывал окончательную гибель белорусской литературе. ¹⁾ К счастью, белорусский народ, наперекор всем невгодам, показал свою живучесть, дожид до новой эры, и мы можем с радостью и полной надеждой воскликнуть вместе с певцом Белоруссии Янкой Купалой:

Не загаснуць зоркі ў небі,
Покі небо будзе,—
Не загіне край забраны, ²⁾
Покі будуць людзі.

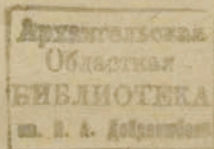
¹⁾ См. мой очерк деятельности Киркора в «Трудах Моск. Археол. Общества», т. XII 1888).

²⁾ «Забраным краем» называют Белоруссию и Литву.

Почка цёмная на сьвеці
Вечна не начуе;
Зёрне, кінутае ў ніву,
Усходзе ды красуе...
Беларускою рукою
Светлай праўды сіла
Славу лепшую напіше
Вацьбаўшчыне мілай.
Зацьвіце яна, як сонца
Пасьля ненагоды,
Ў роўнай волі, ў роўным стане
Між усіх народаў¹⁾.

Sit nobis bonum amen!..

Н. Янчук.

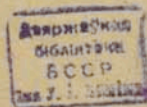

¹⁾ Из стихотворения, напеч. в «Нашей Ниве» 1911 г., № 47—48, стр. 617. Этот текст положен мною на музыку в качестве национального гимна и переложен для хора Б. В. Подгорецким.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	1-III
I. Возрождение Белорусской литературы. Илар Святицкого. (Перевод с галицийского, под редакцией и с добавлениями Н. А. Яичука) . . .	1-51
II. Новейшая Белорусская литература и ее деятели. Краткий очерк. Н. А. Яичука . . .	53-83

Бел. адлзеп
1994 г.

60/107

Вышли из печати:

1. ЯНКА ВУПАЛА. Избранные стихотворения в перекладных полках. Собрал и редакт. Н. Белоусов.
2. Курс Белоруссоведения. Лекции, читанные в Белорусском Народном Университете в Москве летом 1917 г.
3. Алад НАРСКИЙ Е. Ф. Этнографическая картина своего племени.

Находятся в печати:

1. ЯНЧУК Н. А. Белорусский шольный сборник песен.
2. ТУРУК Ф. Ф. Белорусское движение. (Очерк и национального и революционного движения)

Приготовлены к печати:

1. ЯНЧУК Н. А. Очерк Белорусской литературы.
2. Проф. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. История Белоруссии.
3. ЕГОРЖЕ. Паны и мужики в прошлом Белоруссии.
4. ЯНКА ВУПАЛА. Сладчина. Сборник творчества.
5. БОГДАНОВИЧ М. Сборник творчества. т. 1.
6. КОЛАС ЯКУБ. Первые чтения для детей белорусского народа.
7. СМУШКОВ В. Знание для всех. Рабочее-крестьянское образование для взрослых.

Книжки можно получить:

Москва, Остоженка, 53, кв. 137. Белорусский Прогрессивный Проспект, мал. мещ. Н. К. П.